

стиңницу. Октябрьскій дождь поливалъ черную громаду домовъ, дрожалъ въ лужахъ, а въ ушахъ отдавалось: линючій... линючій... линючій...

Кончена жизнь. Вотъ она слава, эта подлая жокейская слава! Какъ повернулось все въ этотъ послѣдній, ужасный годъ! А раньше...

Публика носила его на рукахъ. Владѣльцы богатѣйшихъ конюшенъ заискивали передъ нимъ, осыпали подарками, переманивали къ себѣ его, безсмѣннаго побѣдителя на всѣхъ скачкахъ. Ему пожимали руку, его фотографіи висѣли въ кабинетахъ спортсменовъ. И вдругъ... ударъ за ударомъ! О, эта конюшня графа Запольскаго! Лучшіе скакуны теряли славу, листъ за листомъ увядаль побѣдный вѣнокъ наѣздника. А все этотъ молодой графъ: онъ изъ-подъ рукъ бралъ лучшихъ скаковыхъ лошадей, чтобы хвастнуть на прогулкахъ, и портилъ... Но что подѣлаешь съ графомъ? Онъ балуетъ сына, къ тому же онъ такъ увѣренъ въ жокеѣ! Первымъ позоромъ Числовъ былъ обязанъ ему, этому крикливому мальчишкѣ. А потомъ пошли неудачи: сорвалась подкова, лопнуло сѣдло, по настоянію графа пущена больная лошадь...

«Онъ выдохся, этотъ старикъ... Утопилъ Запольскаго!» — вспомнилъ жокей крики скаковой публики. — «Долой Числова!».

Какъ ненавистно стало ему въ тотъ памятный день его ремесло! Свистъ и шумъ неслись отъ трибунъ, гдѣ сидитъ публика; кто-то бросилъ къ его ногамъ скамейку. Владѣльцы конюшенъ, члены, съ неудовольствіемъ смотрѣли на согнувшуюся худую фигуру, а предсѣдатель, этотъ важный, сѣдой добрякъ, остановилъ его въ проходѣ, ударилъ по плечу и сказалъ:

— Плохо дѣло, старина, плохо... Публика чутка... Уходить надо...

И Числовъ понялъ, что теперь все потеряно, что ему не поручатъ даже самой плохой конюшни. Грозилась старость, средствъ нѣтъ, а въ далекомъ городкѣ дочь вдова съ двумя ребятишками въ покосившемся домикѣ у заставы.

Дождь порывами стучался въ окно. Свѣчка едва освѣщала крохотный номеръ.

— Вотъ и прошла жизнь... — казалось, гудѣлъ самоваръ на кривомъ столикѣ: — а ты и не замѣтилъ! Пустая, бесполезная жизнь...

«Ты, дѣдуска, скакунъ... поскакай, дѣдуска!» — вспомнился Числову лепетъ внучки Надюшки.

По темнымъ квадратамъ окна ползли дождевые струи.

ГЛАВА П.

«МЭРИ»

Утро было сѣренькое, тусклое. Числовъ всталъ, посмотрѣлъ на потертый чемоданъ и усмѣхнулся.

— А немного я нажилъ за тридцать лѣтъ! Вотъ и знаменитый жокей...

Онъ вспомнилъ товарищей: Крюковъ имѣеть домъ, Ивановъ держать конюшню, Козловъ уѣхалъ на родину и купилъ имѣніе. А старый Числовъ былъ голъ, какъ соколъ. Было у него тысячъ пять сбереженныхъ, да пропали: купилъ онъ красавицу «Грезу», думалъ призы брать... Онъ до сихъ поръ не можетъ забыть эту статную, бойкую «Грезу». Ее отравили они, его враги, славу которыхъ затмилъ старый жокей.

Много денегъ пропало за хозяевами: одинъ Васильковскій тысячи двѣ ему долженъ. Много пролѣчилъ онъ на зятя, жокея, разбившагося на скачкахъ... А два года, что не работалъ онъ самъ, повредивъ себѣ ногу! Нечего сказать, славная жизнь! Сколько

жокеевъ кончили дни свои на скаковомъ ипподромѣ! Ихъ уносили, а праздная публика ждала новыхъ зрѣлищъ. А искалѣченныхъ и пристрѣленныхъ лошадей сколько!

«Довольно, — думалъ старый наѣздникъ, — восвояси пора... Поступлю на конскій заводъ... Завтра же ѣду, вотъ только съ землякомъ проститься».

Болотниковъ проживалъ около скачекъ, и Числовъ направился къ ипподрому.

Вотъ они, стрѣльчатые мѣста для публики, сиротливые, заброшенные теперь, въ это скучное октябрьское утро. Мокрой лентой тянется заборъ, тощія липки и грязь, грязь... Пестрыми пятнами торчатъ на заборѣ клочья старыхъ афишъ. Длинными ящиками растянулись конюшни. Скаковой кругъ чернѣетъ широкой лентой; каждая выбоина, каждый камень, всѣ тайны грунта знакомы Числову.

Качающейся походкой жокея прошелъ онъ мимо трибунъ, мимо членской бесѣдки. Онъ хорошо помнитъ ее: здѣсь получалъ онъ подарки, оваціи, деньги... А вотъ и онъ, старый знакомецъ, призовой столбъ, простой сѣренькій столбъ. Дождевая вода бѣжитъ по его бокамъ, а на верхушкѣ примостилась ворона.

Числовъ подошелъ къ столбику, даже рукой похлопалъ.

— Прощай, братецъ...

А столбикъ точилъ дождевыя слезы.

Вонъ сквозь сѣтку дождя мелькаетъ на поворотѣ знакомый контуръ.

«А вѣдь это Болотниковъ на «Ханшѣ» проскачку дѣлаетъ»...

Числовъ пошелъ полемъ, наперерѣзъ.

— Петръ Ивановичъ, сто-ой!...

Они поздоровались.

— Домой ѣду... проститься пришелъ.

— Тебѣ виднѣй. Сжили тебя, старина...
Гальтонъ слопалъ!

Гальтонъ! Старый Числовъ долго будетъ помнить его. Ловкій англичанинъ пріѣхалъ создавать себѣ славу, и Числовъ побилъ его. О, какой это былъ триумфъ! Лучшая лошадь проиграла скачку. Числова пронесли на рукахъ, музыканты играли тушъ. Самъ графъ Запольскій лично просилъ старика принять у него мѣсто жокея... Гальтонъ былъ рассчитанъ, но... остался его пріятель. Старый жокей понялъ только недавно, что изъ этого вышло. Это онъ, Шифферъ, подрѣзалъ подпругу, это онъ, Шифферъ, вытащилъ гвоздь изъ подковы, это онъ, онъ отравилъ «Грезу».

— Эхъ, старина, — сказалъ Болотниковъ,
— слава ты, а чистый младенецъ. Провели, братъ, тебя...

— А-а... не то... Усталъ я... Пора кончить эту проклятую скачку, — ходъ у меня не тотъ...

— Ну, а я еще... Съ Гальтономъ я посчитаюсь. Вотъ погоди, весной я буду скакать на «Громъ»... «Лэди»... будетъ побита!..

— Какъ? Вѣдь это наша лошадь... Запольскаго...

— А Гальтонъ-то чей!... Опять у него... со вчерашняго дня...

— Такъ вотъ какъ... а-а...

— Да, и далъ слово поправить «испорченную» конюшню...

— «Испорченную»... далъ слово... О, если бы «Греза» была у меня!...

Числовъ сжималъ кулаки, тусклые глаза его блеснули.

— Ну, я за тебя побью... Что?

Числовъ покачалъ головой.

— «Лэди» не будетъ побита, я знаю ее... Это — машина.

— Мой «Громъ» побьетъ... вотъ увидишь... Приѣзжай, братъ, смотреѣть. Да, слыхалъ? Васильковскій совсѣмъ прогорѣлъ, лошадей продаетъ сегодня... Хочешь, посмотримъ?..

— Должокъ за нимъ есть...

— Вотъ и получишь... айда!

И они направились къ конюшнямъ. Подъ высокимъ навѣсомъ стояло нѣсколько лошадей въ желтыхъ попонахъ. Возлѣ нихъ ходили жокеи, спортсмены, любители. Самъ Васильковскій, сухощавый старикъ въ пен-

енэ, шведской курткѣ и высокихъ ботфор-
тахъ, съ хлыстомъ, что-то объяснялъ ху-
денькому жокею въ клѣтчатомъ пиджакѣ.
Это былъ Гальтонъ, жокей графа Запольска-
го.

— Ага, старина... Здорово, здорово... Ну,
какъ ты теперь? — еще издали закричалъ
Васильковскій.

— Домой ѣду... кончилъ я.

Гальтонъ подалъ руку.

— Ви уѣзжайте пожинать лавры... въ
провинцы?...

Числовъ угрюмо взглянулъ и сказалъ:

— Пора помирать... гдѣ намъ лавры!...

— Неужели совсѣмъ, а?... — говорилъ
Васильковскій. — Жаль, жаль... Те-те...
братъ, надо намъ съ тобой разсчитаться, зна-
чить... Вотъ продаю лошадей...

Онъ заглянулъ въ записную книжку и
покачалъ головой.

— Ого!... двѣ тысячи сто... Ну, за мной
никогда не пропадало... Эй, выводы!...

Старые знакомцы проходили передъ Чи-
словымъ одинъ за другимъ. Вотъ вывели
«Графа» — гнѣдого, въ яблокахъ. На немъ
Числовъ взялъ призъ и побилъ Гальтона. Ло-
шадь купили. Вотъ «Стрекоза», стальная, съ
бѣлымъ пятномъ на груди; у ней ослабли
заднія ноги. Вотъ еще лошадь: это «Шумъ»,
вороной съ краснымъ подпаломъ. Его Чис-

ловъ хорошо помнитъ: на немъ скакалъ его зять и упалъ. Лошади прошли хорошей цѣной. Аукционъ кончался.

«И-и-и-их-хи-и-и»... раскатилось рѣзкое ржанье изъ глубины навѣса.

— Не кричи, не кричи... — ласково сказалъ Васильковскій, оборачиваясь и грозя хлыстикомъ. — Не терпится...

Онъ прошелъ подъ навѣсъ и вывелъ невысокую лошадь золотистой масти. Темныя, стрѣлками, ушки торчали изъ-подъ попоны и дергались; маленькая сухая головка игриво поматывалась, словно старалась избавиться отъ парусинной покрышки; тонкія ноги, бѣлыя снизу, едва ступали. Что-то дѣтское, нѣжное, сквозило во всей фигуркѣ.

— Вотъ, господа, штучка-то... кто толкъ понимаетъ!... Какъ вы находите, а?... Только на-дняхъ получилъ съ завода... послѣдышъ!..

Онъ самъ сбросилъ съ нея покрышку.

«И-и-и-их-хи-и-и»... — задрожало въ ушахъ дѣтское ржанье. Всѣмъ стало смѣшно.

— Нельзя такъ кричать, «Мэри»! это, наконецъ, неприлично... при публикѣ! — сказалъ Васильковскій, шутя, какъ говорятъ дѣтямъ.

Онъ похлопалъ «Мэри» по шейкѣ. Ма-

ленькая головка гордо поднималась надъ грудью, надъ узкой бѣлой полоской.

По тонкимъ сухимъ ногамъ, подъ кожей, пробѣгали легкія вздрагиванья.

— Картинка! Вы взгляните на ноги, господа: сталь, англійская сталь!... А шея! — говорилъ Васильковскій.

Онъ щелкнулъ хлыстомъ по ботфортамъ.

— Ну-съ, покупайте...

Гальтонъ подошелъ къ «Мэри», тронулъ ладонью ноздри, похлопалъ по шейкѣ. «Мэри» скосила глаза: она точно слѣдила.

Гальтонъ смѣрилъ грудь, покачалъ головой, смѣрилъ ноги. Фррр...

Мелкія брызги попали въ лицо жокею.

— Да стой же, дурашка! — закричалъ Васильковскій.

Наконецъ, Гальтонъ кончилъ осмотръ.

— Ну, какъ? Графъ будетъ доволенъ... — сказалъ Васильковскій.

— Нѣтъ, нѣтъ... очень слабый лошадка... очень слабый... Узкій грудь, короткій махъ... нельзя на скачки... нѣтъ... — говорилъ Гальтонъ.

Онъ отошелъ въ сторону и еще разъ зорко оглядѣлъ «Мэри».

— Она красива, да... но нѣтъ, нѣтъ... слабый лошадка... нельзя на скачки...

«И-и-их-хи-и-и»... словно обрадовалась «Мэри», перебирая ногами.

— Слабый лошадка!... — передразнилъ Васильковскій. — Тэ-экъ-съ... хм... Да вѣдь ей всего второй годъ!... А огонь! Вы прогля-дѣли огонь!...

Старый жокей, не отрываясь, смотрѣлъ на «Мэри». Ее окружили, тѣснились, гладили, повторяя приемы Гальтона.

— А цѣна? — спросилъ кто-то.

— Двѣ тысячи... Что цѣна! Вотъ ея пас-портъ...

Васильковскій вынулъ листокъ — пас-портъ «Мэри».

— Отецъ — «Вьюнъ»... — прочелъ онъ, — мать — «Зорька»... Она...

— «Зорька»? — громко перебилъ кто-то.

Это былъ Числовъ. Онъ сидѣлъ на землѣ и прощупывалъ ноги «Мэри».

— Да, та самая «Зорька», на которой вы обскакали «Змѣйку»... Это было такъ неожиданно!..

— Да... но потомъ она ослабѣла, — сказалъ Гальтонъ.

— Чудная лошадь была! — сказалъ одинъ изъ жокеевъ. — Не русская, гово-рять...

Числовъ молчалъ. Онъ держалъ голову «Мэри» и гладилъ. «Мэри» жевала губами, фыркала, поводила глазами. А старикъ слушалъ сердце, стучалъ по груди...